

## ТАЙНОЕ И ЯВНОЕ

С геральдикой сейчас имеют дело в основном специалисты в области эмблематики, нумизматики, бонистики, сфрагистики, искусствоведы, археологи, источниковеды, историки, этнографы и др.

А еще сравнительно недавно — в прошлом веке — образованные люди обязаны были разбираться в гербах, если не хотели прослыть невеждами. Вызывалось это прежде всего необходимостью различать родовые гербы. В учебных заведениях читались специальные лекции по геральдике. Теперь гербы часто принимают просто за украшения: старожилы порой могут не знать герба своего города.

Между тем сколько интересных, увлекательных, подчас уникальных сведений могут дать гербы, если к ним подойти вдумчиво, наблюдательно, со знанием дела.

Так, например, еще в прошлых веках геральдика была теснейшим образом связана с произведениями искусства. Как уже писалось, геральдическое искусство считалось незаурядным, оно было весьма своеобразно, богато стилями, красочно и пышно<sup>1</sup>.

Замки вельмож, церковные и общественные здания, надгробные памятники и триумфальные ворота также изображают геральдическими изображениями. Где обычно помещались гербы на подобных архитектурных сооружениях? Их можно увидеть на фронтонах зданий в виде лепки; на витражах, где их красочность была особенно ощутима, а также во фресковой росписи: на потолках, стенах.

Гербами отмечали книги, живописные портреты; на гербовой бумаге писали письма и документы. Гербы использовались и в качестве украшений для надгробных плит. Причем здесь они играли роль не только декорации фона, но и порой заменяли соответствующие надписи.

Изображения гербов были неперенными спутниками знамен, оружия, различной мебели, ковров, посуды, ларцов, одежды и многого другого.

Неисчерпаемую кладовую для науки представляют изображения гербов на монетах, печатях, бумажных деньгах и пр.<sup>2</sup>

Их великое множество — гербов, возникших и сотни лет назад, и сравнительно недавно, выбитых, нарисованных, отлитых. Каждый из них заставляет «немую» вещь «говорить». Иногда этот «рассказ» короток и прост, но зато бесценен своей исторической значимостью. К общему изучению отдельного памятника герб как бы прилагает своеобразный паспорт: где и кем была сделана вещь, кто ее владелец, где применялась и в какое время?

Огромную работу в этом направлении вел Гербовый музей, преобразованный из бывшего Гербового отделения при Департаменте Герольдии Сената. В музее (с 1931 г. — Кабинете вспомогательных исторических дисциплин) была сосредоточена обширная литература по геральдике и генеалогии, коллекции геральдических и сфрагистических материалов, что позволяло представить общую картину геральдического наследия Российского государства. Весь этот богатейший материал использовался для многочисленных экспертиз и консультаций по вопросам геральдики.

Очень многое в этой области сделал крупнейший знаток гербов В. К. Лукомский<sup>3</sup>. За 20 лет он провел свыше тысячи экспертиз по самым разнообразным предметам. В 1924 г. в Оружейной палате ему удалось установить принадлежность известным историческим личностям свыше 300 предметов.

Разбирая изделия из серебра, он обратил внимание на богато украшенные блюда и тарелки с одним и тем же гербом. Как оказалось, это был герб гетмана Войска Запорожского Ивана Самойловича. Сосланный в Тобольск по подозрению в государственной измене, «запорожский Сарданапал» был лишен всего имущества. Часть богатств отдала в государственную казну, часть — в войсковую. Правда, в государственную дошли не все конфискованные предметы. На отдельные из них упал взгляд фаворита правительницы Софьи князя Василия Голицына, не замедлившего пополнить ими свои и без того не скудные запасы. Об этом факте говорит искусная подделка на блюдах прекрасной чеканной работы бреславльских ма-

стеров букв вокруг гетманского герба. Начальные от имени и фамилии Ивана Самойловича латинские буквы «И. С.» были переделаны в «К. В.». Алчный царедворец, однако, недолго пользовался присвоенным. Попавший в опалу и сосланный в 1689 г., он лишился всего состояния.

Так, небольшое клеймо-печать может рассказать порой делую историческую повесть, приоткрыть завесу над самым неожиданным историческим фактом.

## Вислые печати Древней Руси

Ученым-геральдистам очень часто приходится иметь дело именно с печатями, ибо в большинстве случаев печати имели гербовые изображения, а по ним можно проследить истоки возникновения герба<sup>4</sup>. Печати же связаны с документами, письменными источниками, вследствие чего они оказывают неоценимую помощь в определении подлинности или подложности документа, времени его появления, автора и принадлежности.

Изучение печатей помогло определить дату появления двух старинных грамот великого князя московского Ивана Даниловича Калиты, скрепленных вислыми печатями, широко распространенными в Древней Руси<sup>5</sup>. Они обычно заменяли подпись. Ни один тогдашний документ, княжеский или частный, ни один юридический акт не имеет подписи. Только печати помогают пролить свет на многие вопросы. Печати были в основном свинцовые, были серебряные с позолотой. Каждая состоит из двух соединенных друг с другом кружков, между которыми пропущены цветные шелковые шнуры. Ими печати и прикрепляли к грамотам.

Печать же на двух упомянутых великокняжеских грамотах была исключением, так как, в отличие от общепринятых круглых, она имела другую форму — восьмигранную.

Рассматривая оба документа, историки обратили внимание, что к одному из них, кроме обычной русской вислой печати, привешена еще и маленькая свинцовая. Как потом было установлено, — монгольская. С одной стороны печати было нанесено решетчатое плетение, с другой — шестиугольная звезда, образованная из двух треугольников. В центре ее располагались четыре шарика.

Отнести эту печать к монгольским не составляло труда, ибо подобное изображение встречается на монетах Золотой Орды первой трети XIV в. Значит, нет сомнения, что это ханская печать и, следовательно, относится ко времени правления Ивана Калиты.

Но каковы причины появления монгольской печати на грамоте великого князя московского? Как и когда попала она туда? Мнения ученых по этому поводу разделились. Одни (например, А. В. Орешников) считают, что грамота заверена монгольской печатью в Москве на ханском дворе<sup>6</sup>.

По-другому полагает исследователь этих загадочных явлений Л. В. Черепнин. В своем предположении он исходит из примечательного факта в биографии Калиты. За великокняжеский московский стол боролся и соперник Калиты — князь Александр Михайлович Тверской. Он проиграл эту борьбу. По-видимому, в 1339 г. Иван Данилович, уже прочно завладев троном Москвы, возил свое духовное завещание в Золотую Орду. Там и была привешена к его грамоте монгольская печать. В летописи описывается случай, когда Калита посетил Орду с двумя своими сыновьями.

Вопрос о датировке обеих грамот тоже был неясным. Ведь никаких записей об этом в документе не приводилось. Оставалось снова обратиться к печатям.

Легче всего было, конечно, отнести оба документа ко всему периоду правления Калиты — 1328—1341 гг. Ученые, пытавшиеся более точно установить дату, указывали 1328, 1332 и, наконец, 1339 г. Последняя считается более верной.

Возможно, эти грамоты были вариантами одного и того же завещания. В одной указаны владения более обширные, чем пределы Московского княжества. В другой Калита ограничился рубежами московских земель. Вторая грамота заготавливалась в предвидении того, что притязания на земли, принадлежащие другим княжествам, Орда может и не удовлетворить. Вероятно, Калита все же был благосклонно принят монгольскими владыками, о чем и свидетельствует золотоордынская ханская печать именно на первой грамоте, самой важной для великого князя московского с его далеко идущими замыслами.

Подобным же образом печати помогли установить исторические факты и о территории более северных земель — новгородских.

Однажды во время археологических раскопок в Новгороде была обнаружена весьма любопытная находка — свинцовая печать тоже довольно необычной формы. Она подвешивалась не на шнурке, а на кожаном ремешке, остатки которого и сейчас еще видны в сквозной щели на печати<sup>7</sup>.

Редкостными были и штемпеля по обеим сторонам печати: на одной — изображение княжеского герба и надпись, на другой — остатки круговой надписи.

Конечно, прежде всего внимание исследователей привлекло изображение княжеского герба. Он представлял собой знакомое очертание герба древнерусских князей X—XI вв., но такая разновидность встретила впервые.

Было известно, что подобные изображения гербов были у князей Владимира Святославича, Святополка и Ярослава Мудрого на их сребрениках. Найденный на печати герб больше всего подходит к изображению на сребрениках Владимира Святославича; очень близок он и к геральдическому знаку Ярослава Владимировича<sup>8</sup>.

Исходя из этого, ученые предположили, что это герб старших сыновей Владимира Святославича. Исследование надписи убедило в этом: там было написано имя Изяслава — старшего сына Владимира и Рогнеды. Вначале, с 987 г., он жил в специально построенном для него Изяславле, а потом, получив в удел город Полоцк, переехал туда.

Интересно, что найденная печать на 40—50 лет старше всех известных в настоящее время.

Этот факт позволил пересмотреть и вопрос о самом начале истории русских печатей. Ведь считалось, что печати XI в. являются подражанием византийским, заимствованием их форм. На них обычно были изображены христианские эмблемы и фигуры святых, поэтому начало русской сфрагистики относили к появлению христианства. На обнаруженной же печати нет никаких знаков, имеющих отношение к христианству. Значит, ее употребление можно отнести к дохристианскому периоду.

Таким образом, были одновременно и раздвинуты хронологические рамки существования древнерусских вислых печатей, и дан древний образец славянского письма на вислых печатях.

С помощью печатей было определено и происхождение новгородско-тверских договорных грамот XIII—

XV вв. — ценного исторического источника средневековой Руси (табл. XX, 1—4). Новгород, как самостоятельная феодальная республика, признавал вначале власть владимирского, а позже — тверского или московского князя.

С приглашаемыми князьями Новгород заключал договорные грамоты. За период XIII—XV вв. сохранилось девятнадцать грамот.

Долгое время считалось, что эти грамоты являются остатками новгородского государственного архива, оказавшегося в Москве после падения Новгорода. Исследуя печати, Л. В. Черепнин установил, что шесть грамот скреплены новгородскими печатями. Значит, документы были составлены в Новгороде и отправлены в Тверь. Принявшие предложение Новгорода тверские князья, возможно, отправили туда свои грамоты, а договорные остались в тверском архиве. Другие новгородские грамоты скреплены одновременно и тверскими, и новгородскими княжескими гербовыми печатями. Предложения Твери были, очевидно, переданы представителям Новгорода, но не сохранились. Эти источники погибли вместе с новгородским архивом. Значит, в Москву договорные грамоты попали не из Новгорода, а из Великого княжества Тверского.

### Герб князя

Не менее своеобразной находкой оказался и большой каменный крест, обнаруженный в верховьях Волги и известный под названием Лопастического<sup>9</sup> (табл. XX, 5—6). По внешнему виду он относился к пограничным камням, обычно ставившимся в Древней Руси близ водных путей. Возможно, этот камень установили для обозначения таможенных путей, где в XII—XIII вв. проходила граница Смоленского княжества, Великого Новгорода и Новоторжской волости.

Но когда был поставлен крест? К какому времени его отнести? Определение даты по форме креста не дает точных результатов, ибо любая определенная форма могла использоваться в течение очень длительного времени.

Вот тут-то на помощь ученым пришли процарапанные и высеченные изображения по обеим сторонам креста. На одной помещен крест с точками на концах. Под крестом имеется еще одна точка, а сверху — замысловатый значок. То, что символизировал крест, было понятно; зна-

чок вверх, возможно, означал «святого духа»; точка под крестом — «адамову голову». Так думали некоторые исследователи. На эту мысль их наводили подобные изображения, встречающиеся на русских домонгольских крестах.

Гораздо большую загадку представляли изображения на другой стороне памятника. Кроме точно такого же четырехконечного креста, там был изображен знак в виде буквы «Т» с небольшой добавленной черточкой. Ученые некоторое время расшифровывали это изображение как схематически прорисованное имя «Христос», хотя подобных изображений имени Христа на Руси не было и лишь отдаленное сходство могло напоминать об этом.

И все же секрет был найден. Изображение оказалось одним из вариантов геральдических знаков суздальских князей, но относившимся к наиболее поздним их формам, датированным концом XII — первой половиной XIII в.<sup>10</sup>

Среди опубликованных гербов древнерусских князей не было ни одного похожего на геральдический знак Лопастницкого креста. Скорее всего он занимал особое место, дополнив таблицу известных гербов древнерусских князей.

Сама форма геральдического знака явно отличалась от формы тех, которыми пользовались сыновья Юрия Долгорукого. Другим князьям этой ветви он тоже не подходил, поскольку они правили, по всей видимости, до того, как была нанесена эмблема. Известны были и все эмблемы сыновей Всеволода Большое Гнездо, а вот эмблемы его внуков еще не были достаточно известны. Следовательно, владельца геральдического знака нужно было искать именно среди внуков Всеволода III.

Основываясь на хорошо известных гербах сыновей Всеволода, ученые нашли среди них очень похожие на знак Лопастницкого креста. Отроги влево были у гербов князей Константина Всеволодовича и Георгия Всеволодовича.

Из летописей следует, что деятельность сыновей Константина Всеволодовича территориально не была связана с областью верховьев Волги. Значит, следы нужно искать среди сыновей Георгия Всеволодовича. Но и тут, казалось, ждала неудача. Один из сыновей, 19-летний Владимир, был захвачен татарами в Москве и убит. Другой — Мстислав, ровесник Владимира, в один день с братом погиб под стенами Владимира. И, наконец, третий — Всеволод — тоже был умерщвлен. Но как раз в этом послед-

нем случае было за что зацепиться. Ведь третий сын был старше братьев и рано начал политическую деятельность.

По летописям можно судить, что жизнь Всеволода была насыщена различными событиями. Восемилетним ребенком он был послан отцом княжить в Новгород. Это происходило, когда новгородцы выступали за свои политические права, против суздальских князей. В том же году Всеволод был вынужден тайно бежать из Новгорода; затем в 1224 г. — возвратился сюда и снова бежал. Он отыскал сравнительно безопасное место — Торжок, более других выказывавший свои симпатии Суздалью. Здесь и начал княжить. В это время его отец Георгий Всеволодович со своими союзниками двинулся к стенам Новгорода, предъявив городу ультимативное требование выдать самых враждебных ему бояр. С новгородцев была взята большая контрибуция, а князем посажен шурина Георгия Всеволодовича — Михаил Черниговский.

Между тем Всеволод продолжал княжить в Торжке. В 1232 г. отец посылает его воевать с мордвой, потом с татарами. В сражении с ними под Коломной он был разбит, захвачен в плен и казнен.

Подробно ознакомившись с биографией Всеволода, с политической обстановкой того времени, удалось выяснить, что знак Лопастницкого креста можно отнести только ко времени княжения Всеволода в Торжке, т. е. к 1224 г., приняв его за геральдический знак самого князя. Сам же камень мог быть поставлен у Лопастницкого озера и в более раннее время, ибо случаи установки княжеских знаков на стоящих пограничных камнях не единичны. Подобная аналогия была найдена в серии смоленских геральдических знаков князей Древней Руси.

В результате новых исследований о Лопастницком кресте В. Л. Янин пришел к выводу о невозможности поименной атрибуции названных знаков в настоящее время. Но тем не менее остается несомненным отнесение их к разряду именно княжеских.

### Новгородская находка

Много лет велись раскопки древнего Новгорода. Из-под земли появлялись все новые остатки сооружений, извлекались интересные вещи, рассказывающие о жизни и быте новгородцев. Например, уникальные берестяные грамоты.

Новгородцы строили основательно, прочно, подкладывая под фундаменты огромные валуны. Летом 1965 г. шли раскопки фундамента боярского терема с такими валунами. Каждый из них подробно зарисовывали, фотографировали, описывали.

Проделав над очередным валуном необходимую работу, его хотели поднять на поверхность. Рабочие привычно принялись за камень, но не тут-то было! Он упорно не поддавался, несмотря на все усилия. Удивительнее всего было то, что размер камня был совсем небольшой — 20 на 36 сантиметров. Принесли носилки. Подвели их под камень, четверо рабочих взялись за ручки. Носилки, однако, не выдержали тяжести, затрещали. Ясно было, что валун не совсем обычный.

Тщательно осмотрели находку. И тогда оказалось, что это вовсе не валун, а часть большой круглой свинцовой чушки. Небольшой «кусочек» был несколько причудливой формы, с зазубриной непонятного назначения на конце. Правда, через некоторое время, когда к этой зазубрине привязали канат и с его помощью вытащили слиток на поверхность, назначение зазубрины немного прояснилось. Возможно, она и была сделана специально для удобства транспортировки.

Но откуда попал этот слиток в древний Новгород? Письменные документы говорят о том, что свинец, потреблявшийся в Новгороде в большом количестве для изготовления привесных печатей, кровель самых значительных церквей, ввозился на Русь двумя путями: из Англии по Балтийскому морю и сухопутной «дорогой угров», пролегавшей по теперешней Венгрии.

А что если внимательно осмотреть найденный слиток? Возможно, на нем окажутся клейма: ведь обычно на каждом таком слитке ставилось клеймо и тщательно проверялось западноевропейскими купеческими объединениями. Монополия на ввоз свинца ревностно ими охранялась.

Находку аккуратно отмыли и действительно увидели замысловатые процарапанные знаки и два клейма. На одном из клейм была изображена эмблема в виде одноглавого орла, распластавшего крылья, с короной на голове. Другая эмблема представляла собой нечто подобное букве «К», также увенчанной короной.

Кому же принадлежали клейма с этими гербами: Англии, Венгрии или другой стране? Ведь в Западной Евро-

пе сплошь и рядом на эмблемах феодальных правителей изображены различного рода орлы.

Обратились к монетам западноевропейских стран с гербами средневекового времени. Но удивительно: на монетах Англии и Венгрии, откуда вероятнее всего могли завезти этот свинец, подобного орла не оказалось. Рассмотрели другие коллекции. И вот, наконец, нужный орел. Та же царственно посаженная голова, те же перья, одно к одному. Этот орел застыл на монете польского короля Казимира Великого, правившего в 1333—1370 гг. Буква «К» с короной является монограммой этого же короля.

А если сравнить времена правления Казимира и время строительства в Новгороде Знаменской церкви, хранилища государственной реликвии, то вполне возможно, что именно тогда и был завезен найденный свинец для постройки этой церкви.

### Загадка первопечатника

400 лет назад в нашей стране была напечатана первая книга. Начало этому положил замечательный человек — «друкарь» Иван Федоров. Казалось бы, четыре века — достаточный срок, чтобы изучить все детали жизни и деятельности «друкаря книг, пред тем невиданных». Ведь о нем написано немало трудов, исследований, прослежены до мельчайших подробностей отдельные этапы его пути. И все-таки в биографии знаменитого первопечатника есть свое белое пятно. Никто из ученых не может сказать, из какой семьи происходил Иван Федоров, где он родился.

Тайна происхождения «друкаря» оставалась совершенно неразгаданной (исключая различные предположения), пока за дело не взялись ученые, занимающиеся геральдикой. Они верно подыскали ключ к разгадке — герб, который ставил Федоров на изданиях львовского и острожского периодов своей деятельности<sup>11</sup>.

Впервые Иван Федоров поместил свой герб на «Апостоле», изданном во Львове в 1574 г. На этой книге герб первопечатника включен вместе с гербом Львова в композиционный рисунок сложной ветви (табл. XXI, 1).

Этот герб выглядит так: на гербовом поле размещен «загадочный» знак в виде латинской буквы «S», повернутой в обратную сторону. Верх буквы венчает наконец стрелы. Вокруг расположились буквы «I-W-A-N».

Этот же гербовый щиток появляется на острожских изданиях «Нового завета» (1580) и «Библии» (1580—1581). Отличие его от первого состояло в буквах. По обеим сторонам знака были две буквы: с одной — буква «I», с другой — «O», разделенная горизонтальной волнистой черточкой пополам; сам щиток держит рука.

Исследователи, безусловно, видели эти знаки и давали им свое толкование. Одни находили их родство с гербом Альда Мануция, знаменитого итальянского типографа, другие сводили все к заимствованию Иваном Федоровым польского герба с распространенным изображением извила реки. А наконечник стрелы они принимали за типографский угольник.

Секция библиофилов и экслибрисистов Ленинградского общества коллекционеров на юбилейном заседании в память Ивана Федорова 16 декабря 1933 г. высказала такую догадку: «Изображение в типографском гербе Федорова «реки» иллюстрирует собою известное древнее изречение «Книги суть реки», а помещенная над рекой исходящая от нее стрела указывает на функциональную их роль — распространение просвещения».

Однако более точным будет признание герба типичным родовым гербом XVI в., а не типографским знаком. Исчерпывающее объяснение по этому поводу дал В. К. Лукомский, считая, что герб Ивана Федорова является известным в Литве гербом белорусского рода Рагоза.

Герб рода Рагоза претерпевал различные изменения, связанные со стилем эпохи, но изогнутая полоса и наконечник стрелы на нем оставались постоянно.

Первые сведения о белорусском роде Рагоза относятся к XV в. Расселялся он, предположительно, по верховьям Днепра, владел землями в Великом княжестве Литовском, в Мстиславском и Минском воеводствах. Мстиславские земли граничили с Москвой, и потому постепенно род расселился на Руси: вначале в Калужском уезде, затем в Тверских и Курских землях.

Члены рода состояли на службе у великих князей московских. Поэтому вполне вероятно, что они стали именовать на русский лад — Рагозинными. Причем род этот был довольно обширный; состоял и на царской, и на патриаршей службе. Конечно, он пользовался известностью и во второй половине XVI в., когда в Москве пребывал сам Иван Федоров.

Ученые предполагают, что о существовании своего родового герба Федоров мог узнать, только находясь в Литве. Вот тогда, следуя широко распространенному обычаю, он употребил свой герб как типографскую эмблему.

Единственное, что свидетельствует против этой гипотезы, — это то, что сам Иван Федоров никогда не упоминал о своем родстве, да и Рагозины тоже нигде ни разу не упоминают своего сородича.

Возможен и другой вариант. До конституции 1601 г. в Польше и Литве существовала адаптация, т. е. право представителей господствующего класса приписывать к своему гербу близких или «угодных» им людей. Иван Федоров мог оказаться одним из таких «угодных» и поэтому принять чужой родовой герб.

В пользу этого варианта тоже нет конкретных доказательств. Поэтому следует пока остановиться на двух более или менее достоверных предположениях: то ли Иван Федоров происходил из рода Рагозиных, то ли он имел основания использовать чужой герб. Лишь новые данные смогут подтвердить окончательно ту или другую гипотезу. Пока же ясно только одно: немалое значение этого герба в жизни Ивана Федорова. Изображение его имеется и на могильной плите русского первопечатника (табл. XXI, 2).

На этой плите гербовый знак занимал треть ее площади, был хорошо различим даже через много лет после изготовления. Спустя 300 лет со дня смерти первопечатника стали появляться разноречивые слухи о плите. Одни свидетельствовали, что плита уничтожена во время ремонта Онуфриевской церкви во Львове, другие — что плита существует, но замурована. Советским исследователям остались только зарисовки, фотографии и слепки единственного посмертного памятника «друкарю книг, пред тем невиданных».

### Печать бунтовщика

В государственных архивах, библиотеках и музеях СССР сохранилось очень много документов периода Крестьянской войны 1773—1775 гг. под предводительством Е. И. Пугачева.

«Бунтовщик» имел обширную документацию: он рассылал манифесты, именные указы; вел переписку с ханом Младшего Казахского жуза Нурали, ставя целью

привлечь казахов в повстанческие войска, с атаманами повстанческих отрядов, действовавшими обособленно от главной армии восставших. У Пугачева даже складывается своя походная канцелярия, ведавшая снабжением и пополнением отрядов; она же руководила их действиями, вела все делопроизводство повстанческой армии. В октябре 1773 г. эта канцелярия оформляется в Военную коллегию. Правда, большое количество документов из архива коллегии не сохранилось. Они были уничтожены Пугачевым при отступлении из Оренбурга.

Но вот интересный факт. Некоторые документы сохранили любопытные печати с гербовыми изображениями. Самые первые документы Пугачева, атаманов и его Военной коллегии не были скреплены печатями. А уже на конвертах, в которых «Петр III» рассылал именные указы в Оренбург Ивану Тимашеву, директору оренбургских горных заводов и богатому помещику, старшине яицких казаков Мартемьяну Бородину, появляются печати<sup>12</sup>.

На этих печатях красного сургуча просматриваются изображения двух вздыбленных коней, опирающихся передними ногами на два овальных щита с геральдическими знаками. Щиты увенчаны дворянской короной. Пугачев, конечно, просто позаимствовал чей-то дворянский герб. Печать с этим же гербом пригодилась и для скрепления письма с указом Военной коллегии, посланным атаману Арапову.

Вскоре после этого появляется печать на бумаге, присланной в Оренбург, к которой приложил руку сам Пугачев. Здесь он собственноручно изобразил различные знаки — будто бы буквы чужестранного текста. На конверте имелась печать, изображавшая в профиль погрудный портрет молодого мужчины, увенчанного лавровым венком.

Из архивных документов известно, что Пугачев, вероятно, передумал пользоваться чужими печатями и потому в январе 1774 г. приказывает вырезать ему две собственные. Одна предназначалась для скрепления именных указов и манифестов, другую следовало ставить на указах Военной коллегии.

Именную печать было задумано сделать серебряной, с профилем императора Петра III. За ее изготовление взялись крестьяне Андрей Иванов и Иван Степанов. Вскоре печать была готова. На ней изображался в профиль

все тот же мужчина с лавровым венком и короной на голове, с накинутой на плечи мантией.

Печать сохранилась на именном указе атаману Гурьева городка о доставке пороха в Яицкий городок и на указе Военной коллегии походному атаману Белобородову о следовании его корпуса к Магнитной крепости для соединения с армией Пугачева. Есть сведения, что подобная печать стояла и на указе Военной коллегии, адресованном крестьянам Иргинского завода, на котором был «красной сургучовой патрет ево изображен».

Известно, что печатью Пугачева интересовался А. С. Пушкин во время работы над повестью «История Пугачевского бунта». Он разыскал ее в архивах и гравюру с нее поместил в приложениях к названной книге.

После этой печати в августе 1774 г. у Пугачева появляется новая, выполненная гораздо лучше, чем предыдущая. Видно, над ней трудились уже не просто крестьяне Яицкого городка, а мастера своего дела. Возможно, это были серебряники, изготовлявшие медали с портретом Петра III для отличившихся повстанцев. Печать была с надписью и снабжена профилем молодого мужчины, одетого в латы и наручи, с генеральской лентой через правое плечо. Один оттиск печати сохранился в именном указе атаману и казакам Березовской станицы Войска Донского с призывом присоединиться к восставшим, другой — в указе Пугачева калмыцкому тайше Банбуру, где он тоже призывал калмыков прийти к Камышину на Волге для объединения.

Однако и эта печать не была для Пугачева последней. В доме казака Бородина, считавшемся дворцом «императора» в Яицком городке, нашли еще одну медную печать, имевшую текст на восточном языке. Она фигурировала потом в Москве, на следствии по делу Пугачева.

Военная коллегия повстанцев применяла вначале и печать с государственным гербом России — двуглавым орлом, а позднее небольшую печать с изображением герба некоего дворянского рода. Печати Пугачева и Военной коллегии затем приводились на следствии как вещественные доказательства вместе с документами повстанцев, медалями и «перстеном золотым или позолоченным с харею злодея Пугачева».

Печати широко использовали также атаманы пугачевского войска, например Салават Юлаев (табл. XXI, 3).

Они были самыми разнообразными. Атаман И. Н. Зарубин-Чика («граф Чернышев»), организатор повстанческого движения на Южном Урале, имел печать, где были изображены две накрест сложенные веточки и фигурные вензеля. Бывали случаи, когда атаманы ставили первые попавшиеся под руку печати. Это значит, что характеру печатей не придавали большого значения: важным было то, что они исходили от законных властей «императора Петра III». С этой целью сам Пугачев всячески стремился сохранить в изображениях на своих именных печатях полное сходство с изображениями самого Петра III.

### «Слух обо мне пройдет по всей Руси великой»

Среди фамильных гербов дворянских родов было немало очень древних, передававшихся из поколения в поколение. Самые типичные из них, составленные по всем канонам геральдики, можно проследить на примере родовых гербов прославленных русских полководцев М. И. Кутузова (табл. XXI, 4) и А. В. Суворова, графов Платовых, гетманов Богдана Хмельницкого и Петра Сагайдачного (табл. XXI, 5—7), прославленных мастеров слова Пушкина и Вяземского, Карамзина.

Возьмем, к примеру, родовой герб Пушкиных (табл. XXI, 8), включенный в «Общий гербовник» и позволяющий проследить любопытные детали из родословной великого поэта<sup>13</sup>.

Широкому кругу читателей поэзии Пушкина хорошо известно, что поэт с материнской стороны — потомок арапа Петра Великого, Абрама Петровича Ганнибала. Абиссинский негр был еще мальчиком привезен из Константинополя в подарок Петру I. Он прижился в России, прошел путь от денщика при царе до генерал-аншефа. О своем прадеде поэт рассказывает в повести «Арап Петра Великого».

О своем предке со стороны отца А. С. Пушкин писал так: «Мы ведем свой род от... Радши, или Рачи (мужа честна, говорит летописец, т. е. знатного, благородного), выехавшего в Россию во время княжества св. Александра Ярославича Невского...» «Знатный» и «благородный» Радша оставил в своем потомстве множество родов: Поводовых, Каменских, Бобрищевых-Пушкиных, Бутурлиных, Мятлевых, Кологривовых и др.

Среди представителей этих родов бытовало предание об общности их происхождения от Радши или Рачи. Сам А. С. Пушкин по этому поводу говорил:

Мой предок Рача мышцей бранной  
Святому Невскому служил;  
Его потомство гнев венчаный,  
Иван IV, пощадил...

То, что предок Пушкина Радша действительно был исторической личностью в упомянутые поэтом времена царствования Ивана IV показывает «Государев родословец», составленный в 1555 г. для Ивана Грозного. Еще дореволюционных исследователей интересовало, как, когда и откуда появился при дворе великих князей Радша, действительно ли он был лицом историческим или это просто результат «украшения древних родословий».

Оказалось, что слова «мужа честна» в самом деле означают, что А. С. Пушкин — потомок знатного рода. Так, в год рождения Пушкина их родовой герб был занесен в «Общий гербовник дворянских родов». Вот как он выглядел: щит горизонтально разделен на части; в верхней половине в горностаевом поле, на пурпуровой подушке с золотыми кистями лежит алая бархатная княжеская шапка — символ того, что «муж честный» Радша, проживавший в славянских землях, в России, воевал в те времена под знаменем великого князя Александра Невского; в нижней половине щита, с правой стороны, на голубом поле — рука в серебряных доспехах, держащая обращенный вверх меч. Этот символ был древним славянским геральдическим символом и доказывал, что предок Радши — выходец из славян; в левой нижней части щита, на золотом поле — орел с распростертыми крыльями, держащий в когтях меч и державу — родовой герб предков самого Радши. Щит венчают шлем с золотой дворянской короной, голубой намет с золотым подбоем с тремя страусовыми перьями. Герб находился и на личной печати А. С. Пушкина (табл. XXI, 9), которой особо дорожил поэт. В автобиографическом стихотворении «Моя родословная» А. С. Пушкин в присущей ему лаконичной и образной форме так выразил свое отношение к этому родовому символу:

Под гербовой моей печатью  
Я кипу грамот схоронил,  
И не якшаюсь с новой знатью,



И крови спесь угомнил,  
Я грамотей и стихотворец.  
Я Пушкин просто, не Мусин,  
Я не богач, не царедворец...

Изображение герба с небольшими изменениями было принято всеми потомками Радши. Гербы дворянских родов этой ветви обязательно сочетают в щите три фигуры — руку с мечом, одноглавого орла и княжескую шапку или корону, зафиксированные в «Общем гербовнике».

В роду Пушкиных были известны разные варианты герба, но обязательно с этими тремя эмблемами. Из этих вариантов наиболее близким к утвержденному гербу был герб, которым пользовался поэт. Он хорошо сохранился на оттиске печати А. С. Пушкина на его письме к Е. М. Хитрово, опубликованном в 1927 г. в книге «Письма Пушкина к Е. М. Хитрово». Как полагает основоположник советской геральдики и гербовой экспертизы В. К. Лукомский, эту печать поэт получил в 1830 г. от своего дяди Василия Львовича Пушкина, а тот, в свою очередь, видимо, унаследовал ее от своего отца Льва Александровича Пушкина — деда поэта.

Достаточно взглянуть на эту печать, чтобы убедиться: среди изображений геральдического характера выделяется княжеская шапка — прямое указание на то, что Радша нес военную службу при Александре Невском. Однако исследования архивных материалов показали, что знаменитый Радша не был современником Александра Невского, а в Невской битве в 1240 г. принимал участие уже правнук Радши, Гаврила Олексенич, подвиги которого описываются в Новгородской летописи. По подсчетам, Радша жил на столетие раньше князя Александра Невского и мог быть отождествлен с Ратшеем — тиуном киевского князя Всеволода II Ольговича, данные о котором есть в Киевской летописи.

Судя по архивным, летописным и геральдическим материалам, очевидно, что Радша был лицом историческим, действительно жившим в Древней Руси в середине XII в. Вероятно, он был одним из участников событий, описанных в летописи 1146 г. и имевших определенное значение в жизни Древнерусского государства. Каким-то образом он становится тиуном великого князя в Киеве, а затем перемещается в Новгород после народной смуты против кня-

зя. При Александре Невском положение его потомков упрочивается.

А. С. Пушкин не знал всех этих подробностей о своем знаменитом предке. Ведь дело о внесении герба Пушкиных в гербовник возникло только в год рождения А. С. Пушкина; пятая же часть гербовника, где было описано его славянское происхождение, вышла уже после смерти поэта в 1840 г.

### Кто писал декабристу?

На этот раз перед исследователем лежали всего четыре письма. Они адресовались человеку, добровольно посвятившему себя борьбе с самодержавием, сознательно отдававшему свою жизнь во имя улучшения жизни народа. Этим человеком был декабрист И. Д. Якушкин. Но кто его корреспондент? Ведь так важно установить любой, даже самый незначительный факт из жизни людей, участвовавших в движении декабристов.

Но этот вопрос ученый искал, но не мог найти ответа. Лежали перед ним пожелтевшие бесценные листки, шли часы раздумий, поисков, а разгадки все не было. И кто знает, была бы она найдена или нет, если бы исследователь вдруг не обратил внимание на одно из писем, датированное 8 августа 1825 г. На нем были следы гербовой печати. Едва заметной, потрескавшейся, но это уже был ключ к разгадке.

Снова тщательное изучение печати, попытки восстановить ее первоначальный облик. Затем на помощь пришел «Общий гербовник дворянских родов Всероссийской империи». И вот наконец найдено. Изображение на остатках печати совершенно совпадало с изображением герба баронского рода Черкасовых.

Но это было только полдела. По письмам корреспондент И. Д. Якушкина предстает человеком высокообразованным, увлекающимся философией. Он имел жену, маленького сына, но с женой жил порознь: она — в Калужской губернии, а он с матерью — в Москве.

Никто из рода Черкасовых не был похож на этого человека, не подходили биографические данные. Значит, корреспондента нужно было искать в среде, близкой к роду Черкасовых. Поиски, сравнения, факты архивных документов подтвердили предположение, что таким чело-

веком мог быть Дмитрий Александрович Облеухов, женатый до 1822 г. на баронессе Екатерине Ивановне Черкасовой.

Возникает другой вопрос: почему же Облеухов не воспользовался своей печатью?

Но обратимся опять к письму, где, к счастью, есть дата — 8 августа. Вполне вероятно, что летом Облеухов жил в имении своей жены в Калужской губернии. Отсюда он писал И. Д. Якушкину, а так как своей печати под рукой, видимо, не было, то пришлось воспользоваться печатью с родовым гербом жены.

Так бывает часто, когда исследователь, встречаясь с подобными загадочными фактами, долго и безуспешно пытается их определить, тогда как именно герб на документе может просто и точно указать авторство.

Титулованные русские дворяне заказывали на фабриках бумагу с собственным гербом. Он мог быть изображен в качестве водяного знака или в виде оттиска, сделанного специальным штемпелем. На такой гербовой бумаге дворяне вели переписку, использовали ее для документации. Иногда на бумаге мог стоять герб не заказчика, а самого фабриканта.

Историки часто сталкиваются с документами, написанными на гербовой бумаге. И зачастую гербы оказывают неоценимую помощь в определении имени автора, что особенно важно, когда подпись бывает неразборчива, плохо видна или сокращена, а печать отсутствует.

Так, например, тщательное исследование гербов на письмах помогло вскрыть еще одну ошибку. Как-то в Кабинет вспомогательных исторических дисциплин в Ленинграде поступили письма членов бывшей царской фамилии. До этого другие письма уже были разобраны, и авторы, казалось, определены. Например, одна из пачек была отнесена к жене Николая II — Александре Федоровне. Все эти письма были подписаны вроде бы одним и тем же именем латинскими буквами «Алекс».

Сотрудники кабинета более внимательно изучили эти документы и обнаружили, что они написаны на бумаге с совершенно разными гербами в левом верхнем углу, хотя почерк во всех письмах внешне сходен. Всю стопку можно было разделить на три части: письма на бумаге с императорской русской короной, королевской английской и великогерцогской германской.

Знаки же на бумаге дали возможность определить и трех вельможных корреспондентов. Кроме последней русской царицы ими были королева английская Александра, урожденная принцесса датская, и великая герцогиня Александра Мекленбург-Шверинская, подписывавшиеся одинаковым именем. И опять истину помогли установить гербовые эмблемы.

### На помощь приходят экслибрисы

Люди, любящие книгу, конечно, хорошо знают, что такое экслибрис. Это книжный знак в виде художественно исполненного ярлычка или виньетки с именем владельца, а часто и с рисунком символического содержания. Дословный перевод с латинского означает «из книг». Обычно он приклеивается на внутренней стороне переплета или обложки книги, зачастую не только «удостоверяя» книгу, но и украшая ее.

Экслибрисы возникли очень давно. Ими были гербы, изображенные на переплетах книг или вклеенные внутри. До недавнего времени считалось, что на Руси они появились во времена Петра I. Недавние исследования рукописных книг Соловецкого монастыря показали, что уже тогда существовали экслибрисы. На одной из книг был нарисованный знак игумена Досифея, относящийся еще к 1493—1494 гг.

В широком употреблении экслибрис впервые появляется в Германии после изобретения книгопечатания. В XV—XVI вв. он развивается в самостоятельный вид искусства, который нашел отражение в творчестве выдающихся мастеров: Альбрехта Дюрера, Ганса Гольбейна, Лукаса Кранаха. Приблизительно в это же время экслибрис появляется и на Украине.

Книжные знаки получают широкое распространение в России лишь в XVII в., с появлением библиотек, принадлежавших светским лицам. Три первых известных книжных знака в России принадлежали князю Дмитрию Голицыну, фельдмаршалу Якову Брюсу и лейб-медику Петра I Роберту Арескину. Экслибрис Голицына представлял собой латинскую надпись, а два других были родовыми гербами.

С момента появления и вплоть до начала XIX в. экслибрис почти всегда состоит из изображений гербов, как

наиболее выразительных средств указания на владельца книги. Гербовые экслибрисы оказали неоценимую помощь ученым в определении принадлежности книг известным историческим деятелям, старинным библиотекам.

Изучение гербовых экслибрисов позволило только за период с 1930 по 1940 г. определить книги более сотни крупных библиотек, принадлежавших в XVIII в. известным людям России, а также разрозненные книги из различных частных собраний, выброшенных на рынок наследниками богачей. Таким образом были установлены книги современников Петра I — князя Григория Федоровича Долгорукова и графа Петра Борисовича Шереметева, воспитателя Павла I — графа Никиты Ивановича Панина, графа Аракчеева, библиофильских семей Голицыных, Строгановых, Чернышевых и многих других.

До революции исторический интерес к экслибрисам был слабо развит. Даже книги довольно известных, как оказалось впоследствии, лиц не могли определить только потому, что не всегда умели раскрыть секреты «тайственных эмблем».

Когда после Октябрьской революции сотни анонимных старинных библиотек влились в наш книжный фонд, возникла прямая необходимость установить их прежних владельцев. Были выявлены поистине уникальные библиотеки. В числе их — собрания книг канцлера елизаветинского времени графа А. П. Бестужева-Рюмина, адмирала И. Ф. Крузенштерна, лейб-медика Петра I Арескина с одними из первых на Руси экслибрисами, поэта-юмориста И. П. Мятлева (приятеля А. С. Пушкина), князя Н. А. Долгорукова.

Кроме русских были выявлены громадные собрания датского министра графа Бернсторфа, положенные в основу Библиотеки морского ведомства в 1806 г., герцогини Кингстон, приезжавшей в Россию при Екатерине II, и многие другие не менее ценные библиотеки.

Вот какими золотыми ключиками могут оказаться небольшие бумажные ярлычки — экслибрисы с гербами владельцев книг, растрескавшиеся старые гербовые печати, искусно процарапанные клейма — эмблемы на самых различных предметах из жизни и быта ушедших поколений. С их помощью могут заговорить целые народы и эпохи, раскрыться новые, совершенно неизвестные ранее подробности давно минувших дней.